

Издается впервые

Юлия Вознесенская

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Звезда Чернобыль

Юлия Вознесенская
Звезда Чернобыль

«Лепта Книга»

2015

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вознесенская Ю. Н.

Звезда Чернобыль / Ю. Н. Вознесенская — «Лепта Книга», 2015

[<p id="__GoBack">](#)«И упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „попынь“...» – говорится в Апокалипсисе. 30 лет назад многие вспомнили, что у неприметной душистой травы наших полей – полыни – есть и другое имя: чернобыль...Пронзительный роман знаменитой православной писательницы Юлии Вознесенской «Звезда Чернобыль» рассказывает о судьбе трех сестер, чьи жизни перечеркнула Чернобыльская катастрофа, и о любви, которая побеждает страх, смерть и дает надежду на будущее.Произведение издается в России впервые. Написанный в лучших традициях реалистической русской литературы, роман включает в себя и документальный материал, взятый автором из советских газет, сообщений по радио и телевизионных передач, поэтому ценен не только как художественное произведение, но и как историческое свидетельство.

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вознесенская Ю. Н., 2015

© Лепта Книга, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая	14
Глава вторая	19
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юлия Вознесенская

Звезда Чернобыль

© ООО «Гриф», оформление, 2015.

© ООО «Лепта Книга», текст, 2015.

© Вознесенская Ю.Н. 2015.

* * *

*ТРЕТИЙ АНГЕЛ ВОСТРУБИЛ, И УПАЛА С НЕБА БОЛЬШАЯ
ЗВЕЗДА, ГОРЯЩАЯ ПОДОБНО СВЕТИЛЬНИКУ, И ПАЛА НА
ТРЕТЬЮ ЧАСТЬ РЕК И НА ИСТОЧНИКИ ВОД ИМЯ СЕЙ ЗВЕЗДЕ
ПОЛЫНЬ; И ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ВОД СДЕЛАЛАСЬ ПОЛЫНЬЮ¹, И
МНОГИЕ ИЗ ЛЮДЕЙ УМЕРЛИ ОТВОД, ПОТОМУ ЧТО ОНИ СТАЛИ
ГОРЬКИ
АПОКАЛИПСИС 8, 10–11*

¹ ЧЕРНОБЫЛЬ – крупный вид полыни (*Artemisia vulgaris*). Вл. Даль. Толковый словарь.

Пролог

Жили-были три сестрицы...

Разговор между сестрами, то затихая до печальной тишины, то поднимаясь до накала ссоры, шел уже пятый час. Было сварено и опустошено три кофейника, выкурено несчетное количество «Столичных» и «Беломора», но ни до чего путного они так и не договорились.

Анна поднялась с дивана, походила по комнате, подошла к окну.

– Полночь. Небо снова начинает светлеть...

– Белая ночь... Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса, – отчетливо говорила Анастасия.

Анну слегка передернуло: она не любила и этот учительский – «диктовочный» тон старшей сестры, и ее пристрастие к заезженным школьным цитатам из Пушкина. Она отошла от окна.

– Хочешь, я поставлю еще кофе?

– Ну, поставь... Все равно сегодня не спать, а по кофе я соскучилась.

– Что ж не написала? Я бы прислала тебе.

– Ну, кофе, – роскошь. Стану я из-за этого тревожиться и тебя тревожить.

– Кофе не роскошь, а средство общения, – улыбнулась Анна. – А ты, часом, не проголодалась?

– Кто же ест в первом часу ночи!

– Бывает... Так я пойду варить кофе, а потом уже договорим.

Анна вышла из комнаты. Анастасия вздохнула, взяла новую папиросу, по-мужски размяла в пальцах и закурила.

Ехала она в Ленинград, основательно подготовившись к последнему разговору с Анной, последнему в их жизни, в котором она собиралась высказать сестре все, о чем молчала годы, о чем даже думать себе никогда не позволяла. Она собиралась предъявить сестре счет.

Она оглядела комнату. Прекрасная комната! Надо отдать должное Анне: как бы ни менялась мода, она сохранила почти всю родительскую обстановку.

Мамин книжный шкаф. «Дорогой, многоуважаемый шкаф!» Ученикам в классе она объясняла, какую иронию вложил Чехов в эти слова. Но, приезжая изредка в Ленинград и попадая в старую родительскую комнату, она мысленно произносила эти слова уже без всякой иронии. Мама ни единой книги не сожгла в блокаду, сохранила все собранные в семье книжные сокровища.

И овальный дубовый стол стоит все на том же месте посреди комнаты. Да его и двигать особенно нельзя – может рассыпаться. И люстра над ним все та же, старинная, бронзовая, потемневшая от времени. Впрочем, сейчас эти вещи снова вошли в моду, так говорит Анна.

Когда-то в этой комнате жила счастливая семья: муж, жена и три дочери. Анастасия, Анна и Аленушка – все на букву «А». Жили впятером на этих вот двадцати пяти метрах, но, Боже мой, как они прекрасно тогда жили!

Отец был военным летчиком-испытателем, часто улетал в длительные командировки. Может быть, поэтому они с матерью были так влюблены друг в друга? Когда отец погиб на Новой Земле, Аленке было всего три года, Анна еще училась в школе, а сама Анастасия только что окончила педагогический институт и собиралась поступать в аспирантуру. Она считалась талантливой, ей прочили научную карьеру. И у нее тогда был жених Володя... И все рухнуло в какие-то несколько месяцев. Мать так и не пришла в себя после гибели отца, согнулась, состарилась и угасла как-то вмиг. Анастасия осталась с двумя младшими на руках. Жених, аспирантура – все сразу от нее отодвинулось. Надо было решать главное: как вырастить сестер? И Анастасия добровольно поехала преподавать в деревню, в дальнее село Ленинградской обла-

сти. Там было легче прокормить девочек на мизерную учительскую зарплату. Комнату эту вот она сдавала, и это было значительным подспорьем в их скромном существовании. Когда Анна кончила школу, она не сразу смогла поступить в институт: сельских знаний не хватало для сдачи вступительных экзаменов. Целый год Анастасия не пускала ее работать и каждый день занималась с ней по усиленной программе. На другой год Анна сдала экзамены с блеском, поступила в Герценовский пединститут. Тогда пришлось отказать жильцам и поселить Анну в родительской комнате. Правда, она пустила к себе жить двух сокурсниц, и те платили ей по десятке, но что это были за деньги вместе с двадцатирублевой стипендией... Анастасия работала на полторы-две ставки, а на время отпуска устраивалась воспитателем в пионерский лагерь под Ленинградом: туда можно было брать с собой Аленку, и Анна была рядом. Так вот и шла жизнь, так и проходила молодость...

Анна начала свои фокусы сразу же после окончания института. Сначала бросила аспирантуру, потом вышла замуж и сразу же оставила мужа. Связалась с диссидентами, подписывала какие-то протесты, отбыла год в лагере. Помощи от нее, конечно, не было никакой. Да Анастасия помощи и не ждала, она только горевала, что Анна пошла по плохой дорожке. Когда младшая Аленушка закончила восьмилетку, Анастасия не сразу решилась отпустить ее к Анне. Но сделать это было необходимо. У нее самой уже не хватало знаний, чтобы подготовить Аленушку в институт, а после сельской школы куда бы она поступила? Разве что в профессионально-техническое училище. И тогда она решилась. Привезла Аленку Анне, чтобы девочка десятилетку закончила в Ленинграде. Аленушка была веселая и добрая девочка, особенно ничем не интересовалась, любила деревню, природу. Анастасия была уверена, что в свое диссидентство Анна ее не затащит, к тому же Анна поклялась ей в этом памятью матери. Аленушка, по замыслам старших сестер, тоже должна была поступить в педагогический институт, а потом Анастасия забрала бы ее работать в свою школу: она уже шесть лет была директором той самой сельской школы, куда приехала беспомощной молодой девушкой с двумя сестричками на руках.

И вот неделю назад она получает от Анны письмо, что той пришел вызов из ФРГ, что власти ее держать не собираются, и Анастасии надо срочно приехать в Ленинград, чтобы решить судьбу Аленки. Письмо, конечно, пришло в самый неудачный момент – у Анастасии шли выпускные экзамены в школе. Пришлось – впервые за пятнадцать лет работы – взять больничный на три дня. Врать не пришлось – сердце у нее давно барахлило. И она поехала в Ленинград разбираться. В дороге Анастасия готовилась к этому разговору с Анной. Она была уверена, что знает, о чем у них пойдет речь. Анна уедет в эту свою Западную Германию, Аленке же надо сдавать экзамены в институт, за ней нужен пригляд. Анастасия все взвесила, попереживала, но решила, что выбора у нее в сущности нет: придется бросить школу, с таким трудом завоеванное директорство, свою уютную пришкольную квартирку и перебраться в Ленинград к Аленке, на место Анны. Она была к этому уже полностью готова, собираясь лишь, может быть, впервые за всю свою жизнь, на прощание упрекнуть Анну в эгоизме, в пренебрежении к ее, Анастасии, судьбе. Были уже заготовлены справедливые слова: «Я поднимала тебя и Аленку, отказалась от личной жизни, оставив себе лишь работу. А вот теперь ты своим отъездом рушишь единственное, что мне осталось – мое продвижение по педагогической линии, пятнаешь мое доброе имя – мое, члена партии. Я должна бросить все, чего добилась своими руками, своей головой – директорство, квартиру, товарищей по работе, – и перебираться в твою коммуналку, искать заработок в городе, где учителей и без меня хватает, работают чуть не дворниками. А сколько у меня было из-за тебя неприятностей? Сколько раз меня вызывали в КГБ, расспрашивали о тебе? Чудом я в партии удержалась, чудом! Ты не боялась лагеря – это твое дело. Но ты не думала о том, что я могу и из партии вылететь и работу потерять. И вот теперь ты снова поступаешь так, как твоей душеньке угодно, бросаешь Аленку на произвол судьбы и уезжаешь

в свою Европу. Конечно, я не брошу Аленку. Но, может быть, ты хотя бы теперь скажешь мне спасибо за то, что я вам не просто заменила мать, а всю свою жизнь вам отдала?»

Такие вот слова были приготовлены у Анастасии для Анны. Обидные, может быть, даже жестокие слова, но справедливые. Она была в этом уверена, с этим и ехала в Ленинград для последнего разговора с сестрой. И вдруг оказалось, что никакие заранее подготовленные упреки не понадобились. Дело, выходит, гораздо серьезнее и намного сложнее для Анастасии: Анна вовсе не собиралась бросать Аленку, а решила увезти ее с собой за границу. К этому старшая сестра не была готова. Об Аленке и ее судьбе и шел у них разговор уже пятый или шестой час подряд Анастасия докурила свой «Беломор» и потрясла пачку – она была пуста.

– Кончились папиросы, Настенька? – спросила Анна, внося в комнату кофейник. – У меня есть сигареты покрепче, кажется. Поискать тебе?

Анастасия сразу поняла, что в кухне, пока варился кофе, Анна поутихла и подобрела к ней. Ну, посмотрим, во что это выльется...

– Да, поищи мне, пожалуйста, что-нибудь покрепче, а то вашу эту травку я курить не могу.

Анна улыбнулась.

– Настенька, «травкой» зовут марихуану. Ты уж не делай из меня наркоманку, не дай Бог, КГБ подслушивает.

На это Анастасия ничего не ответила. Глупые шутки. Отношения Анны с КГБ ее принципиально не касались. Так она и на всех допросах говорила.

Анна нашла на полке с книгами пачку «Авроры», положила перед сестрой, разлила кофе по чашкам, села, снова закурила.

– Настенька! Ты столько сил отдала, чтобы поднять нас с Аленкой после смерти мамы. И личная жизнь у тебя ведь из-за нас не сложилась, я знаю.

– Надо же, знаешь!

– Настенька, мы же в деревне жили... Подросла я, и бабы мне все доложили. Из-за вас, мол, младшеньких, сестрица ваша жениха потеряла: не решилась она, как он ни бился, двух малолеток ему на шею вешать. Знаю и то, что уговаривали тебя тогда отдать Аленку в детдом, а меня в интернат устроить, да ты отказалась.

– Между прочим, в очень хороший интернат – с обучением на английском языке. Вот бы он тебе сейчас пригодился! – съязвила Анастасия, отпугивая этим свою растроганность словами Анны, неожиданными словами.

– Ну, в Германии я как-нибудь и своим немецким обойдусь. Не обо мне речь. Ты подумай о том, что ведь пора и мне что-то всерьез сделать для Аленки, моя теперь очередь. Тебе не кажется?

– Нет, не кажется. Ты взяла ее после восьми классов в город, вот и спасибо. С нашими знаниями в институт не попадают, к сожалению.

– Ну, это всего два года. К тому же Аленка легкий человек и училась хорошо. И это опять была целиком не моя, а твоя заслуга.

– Да, я давала Аленке знания сверх нашей сельской программы. И, между прочим, не только по истории и литературе.

– Ну, вот. А теперь моя очередь о ней позаботиться. Там девочка получит настоящее образование, увидит мир, будет знать языки.

– Где же она будет учиться, уж не в Оксфорде ли?

– Ну, скажем, в Хайдельбергском университете, куда меня уже пригласили прочесть курс лекций.

– Анна, о чем ты болтаешь, там же платное обучение! Откуда деньги у тебя возьмутся?

– Заработаю.

– А безработица?

Анна резко поставила чашку, но тут же взяла себя в руки.

– Настенька! Поверь мне, реальная жизнь на Западе весьма и весьма отличается от того, что пишут наши газеты.

– Ну, знаю я ваши диссидентские рассуждения. Вы не верите, даже когда наши газеты пишут о землетрясении в Ташкенте, вам все теперь ложью кажется.

– Милая моя сестричка, так ведь газеты наши и правду скажут – все равно прилгут. Ты разве не помнишь, как у нас за углом дом развалился, на Маяковской? Сколько тогда людей вывезли на скорой помощи, а что в газетах писали? «Жертв нет, благодаря своевременным мерам». Помнишь, ты тогда приезжала ко мне на каникулы, при тебе это все и случилось.

– Ты частный случай возводишь в систему.

– Да нет, Настенька, моя милая, это система уж такая, что каждый частный случай препарируется, обкатывается и преподносится вам в таком виде, в каком системе угодно его сохранить и в умах, и в истории. Ты, филолог и историк, неужели тебе никогда не бывает противно, что русская история превратилась в какую-то кунсткамеру, в ряд хорошо препарированных экспонатов? Неужели тебе не противно было вдруг обнаружить то роль Сталина в Октябре, то роль Брежнева в победе над фашизмом? Скажи, ну ты сама-то веришь в ту историю, которую преподаешь?

– Анна! Вот ты стала в Бога верить, крестилась. Тебе все понятно в Библии?

– Странный вопрос. К чему ты спрашиваешь?

– Нет, ты ответь. Тебе все понятно в Библии, в тексте молитв? Ты все-все, о чем тебе говорят ваши диссидентские священники, поняла разумом или что-то принимаешь на веру?

– Многое на веру принимаю, но при чем тут это, если мы говорим о системе?

– Для тебя это режим, система, строй. А для меня – моя партийная вера. Я тоже во многом сомневалась, многого не понимала. Но я знаю главное – я верю моей партии. Если хочешь, слепо верю, слепо повторяю то, чему учит партия. Я верю, что там, в сердце нашей партии, люди знают больше, чем мы с тобой, и если они что-то делают, на первый взгляд, непонятное, даже и не на первый, я им должна верить.

– Любому их слову?

– Да, любому. Ты ведь свои молитвы читаешь без купюр, не так ли? Так вот для меня каждое слово моей партии так же священно. И это я несу своим ученикам, и по моей вере верят мне и мои ученики. Как я могла бы учить их, если бы сама сомневалась, скажи? Я – верую, вот что.

– Так ты что, видишь себя кем-то вроде дьякона в Церкви?

– Да, если хочешь. Сравнение не хуже всякого другого. И у вас в Церкви та же иерархия, та же дисциплина, та же слепая вера, а точнее – доверие. Доверие к тем, кому доверено вести народ, пасти его.

– Пасти? Так вы, коммунисты, воображаете себя пастухами народа?

– А почему тебя это оскорбляет? У вас свои пастыри, у нас – свои. У вас одна вера, у нас – другая.

– Гм... А ты знаешь, Настенька, в этом есть какая-то правда. Может быть, правда даже более страшная, чем та, до которой додумались инакомыслящие бунтари. Не в этом ли корень воинственности вашего атеизма?

– Может быть, может быть. Вы тоже мечтаете о распространении христианства на все человечество. Ты сама мне рассказывала, как один из вас на суде прямо так и заявил: «Нам нужен весь мир!»

– Володя Пореш...

– Я ваших вождей по именам не помню, извини уж.

– Считаешь, что в историю они не войдут и их имена не надобно знать?

– Нет, не войдут. «Узок был их круг и страшно далеки они были от народа».

– Положим, Ленин это не о нас напроорочил. Но ты хотя бы веришь в то, что эти люди, мы, то есть, действуем, исходя из нашей совести и наших убеждений?

– Какое это имеет значение?

– Ну, хотя бы то, что ваша партия клеветает на нас. Даже статью уголовную изобрели – «клевета на советский государственный и общественный строй» – какой-то уж вовсе сюрреализм Сажает за клевету тех, кто осмеливается говорить правду.

– Свою личную правду, заметь.

– И этого нельзя?

– Если это вредно для народа – нельзя.

– А почему вы, члены партии, решаете, что полезно и что вредно народу?

– Почему? Да потому, что мы и есть народ. И круг наш широк и живем мы среди народа. Как ты думаешь, кому больше поверили бы мои односельчане, тебе или мне, если бы мы вздумали при них вести эту дискуссию?

– Сегодня тебе, потому что тебя знают, тебе верят.

– Ну, вот круг и замкнулся – мне верят. А верят потому, что и я верю своей партии.

– Да, пожалуй, ты меня загнала в угол. Могу возразить лишь одно.

– Ну, попробуй.

– Если бы мы с тобой затеяли такую дискуссию, то посадили бы нас обоих, по одной статье.

– Да, поскольку такие дискуссии и запрещены. Но это еще не аргумент.

– Стоп, Настенька! Где, кем, когда запрещены такие дискуссии?

– Все, чего у нас нет, что не происходит, не проводится – и не должно проводиться, происходит, а потому и запрещено. Почему в вашей Церкви не проводятся дискуссии с атеистами? И танцы тоже не устраиваются?

– Да, Настя, ты стала крепкой партийной дамой. Скоро, гляди, и в номенклатуру попадешь.

– Теперь уже не попаду.

– Из-за нас с Аленкой?

– Опять «мы с Аленкой»? Я уже тебе десять раз сказала, что Аленку я с тобой не отпущу.

– А если она сама захочет со мной поехать?

– А разве она захочет?

– Она сомневается. Не хочет тебя оставлять одну. Жалеет она тебя.

– Спасибо, что ты от меня этого не скрыла. Было бы жаль, если бы мне пришлось удерживать ее здесь помимо ее воли.

– Помимо воли? Неужели ты и на это готова пойти?

– Да, готова. Я отвечаю за Аленку перед памятью мамы.

– Слава Богу, что не перед своей партией!

– Перед партией тоже, но этого ты не поймешь. А маме я обещала перед смертью поставить вас на ноги. Тебя поставила, и не моя вина, что дальше ты сама забрела не на ту дорожку. Теперь мой долг – вырастить из Аленки правильного человека.

– Нет, но ты серьезно станешь ее удерживать, если она захочет ехать?

– Да, стану. Пока что я ее опекун по закону.

– Через два месяца Аленке исполнится восемнадцать лет, она сама получит право решать свою судьбу. Я могу подождать до 15 августа.

– Отлично. Вот и давай подождем А до тех пор пускай девочка спокойно сдает экзамены в институт. Так она твердо решила в педагогический?

– Ничего она не решила. Ты же знаешь Аленку. Я ей сказала «подавай», – она и подала. А сама даже не готовится. Один ветер в голове.

– Ну, ей было от кого ветру набраться. Хорошо, давай пока заключим перемирие: ты откладываешь выезд, Аленка сдает экзамены, а потом будет сама решать – с тобой ей ехать или со мной оставаться.

– Ну, хорошо, я согласна подождать.

– А пока отпусти ее со мной на пару недель в деревню – пусть девочка отдохнет перед сдачей экзаменов. Кстати, а который час? Вот это да – уже третий! И где же это она у тебя в такое время шляется?

– Наверное, опять чьи-нибудь проводы. С выпускного вечера как началось, так не кончается – то одного провожают в армию, то другая уезжает поступать в московский институт... Да еще, похоже, влюбилась.

– Кто он?

– Понятия не имею. Ты же знаешь Аленку, она хоть и болтушка, но иногда что-то затаит и не выпросишь.

– Ну, вот, как же с тобой отпустить ребенка, а? Вот такая же богема у вас будет в Германии или, не дай Бог, в каком-нибудь Париже!

– Да ну тебя, Настенька! Париж не какой-нибудь, а один-разъединственный на всю планету. И что плохого в том, что девочка в семнадцать лет влюбилась? Самое время.

– Время для тех, кто живет под надзором папы и мамы, кого побоятся оскорбить, обидеть. А Аленка – сирота. Ты хоть это-то понимаешь?

– Ну, какая же она сирота, когда у нее есть мы с тобой. Вот сидим и седьмой час подряд ее делим, как разводящиеся супруги. Тоже мне, нашлась сиротинушка!

– Ах, Анька, вечно ты со своей эмансипацией! Ничего ты в реальной жизни не понимаешь! А если это негодяй какой-нибудь, много старше ее?

– Если старше, то уж обязательно и негодяй?

– Чаще всего.

– Ты что, по опыту знаешь?

– Меня этим не обидишь. Да, по опыту. Только не по личному, а педагогическому. У нас четверть девчонок в деревне – матери-одиночки. Откуда, спросишь? Из летних студенческих отрядов школьницы детишек в подоле приносят. И что интересно, не столько от студентов, сколько от их руководителей. Так-то.

– А между прочим, студенческие летние отряды – тоже политика партии. Так что и матерей-одиночек зачисли на свой счет, на счет непогрешимой своей партийной религии. Или это в интересах партии, чтобы девочки-школьницы выравнивали демографический спад?

– Анна, оставь эту демагогию. Я тебя серьезно спрашиваю: где может гулять Аленка в третьем часу ночи?

– Настенька, голубушка, но ведь ночь-то белая! Когда же и погулять, как не сейчас? Ты что, сама в молодости по ночам не гуляла?

– Гуляла. Но недолго. Пока была жива наша мать. А потом я ночами Аленкино белье стирала и твои чулки штопала.

– Попрекаешь штопаными чулками? Ох, Настя! Человек ты, безусловно, высоконравственный и даже героический, но до чего же тяжелый!

– Да, я тяжелый человек. Тяжелый, как танк, и скучный, как мавзолей. И непробиваемый, как бетонный дот. Я все это уже много раз от тебя слышала. Но сейчас меня не интересует твое мнение о моем характере. Это уже неактуально, поскольку мы расстаемся навсегда и больше друг о друге, надеюсь, не будем вспоминать.

– Почему же? Я никогда не забуду тебя, Настенька. Я буду тебе писать, буду присылать посылки.

– Этого мне только не хватало! Я в подачках ЦРУ не нуждаюсь!

– Опомнись, Настя! При чем тут ЦРУ?

- А от кого же тебе приходили посылки, когда ты сидела в лагере?
- От наших друзей на Западе.
- Ну да, конечно, от друзей. Кому вы там нужны? Кого это могут интересовать противники режима в чужой стране?
- Но ведь и ты каждый год работаешь на субботнике в Фонд мира. А деньги ваши идут противникам режима в других странах.
- И занимаются распределением этих денег никакие не «друзья», а соответствующие специальные организации. – КГБ, что ли?
- Кому положено, тот и занимается. Как у нас, так и у них.
- Да, логично рассуждаешь. Только логика у тебя советская.
- У меня не может быть антисоветской логики. И вот поэтому я тебя заранее предупреждаю – никаких писем, никаких посылок нам с Аленкой!
- Почему «нам с Аленкой»? Мы еще про Аленку ничего не решили.
- Кто тут решает про Аленку? – раздался звонкий голос. – Вы что, мою судьбу обсуждаете всю ночь, пока добрые люди гуляют?
- В дверях стояла младшая сестра. Платье на ней было мокрое, как после стирки, распущенные светлые волосы висели сосульками и с них на пол капала вода. В руках она держала охапку такой же мокрой, как сама, сирени и глядела на сестер веселыми сумасшедшими глазами.
- Аленка! Ты откуда такая мокрая?
- Из Невы.
- Господи! Ты что, тонула?
- Не-а. Я купалась.
- Прямо в платье?
- А что же я, по-вашему, должна была захватить купальник, идя на свидание? Я же не знала, что мне захочется купаться.
- А сирень у тебя откуда?
- От Пушкина.
- Ты что-то завираешься. Наломала в каком-нибудь городском саду? Вот бы тебя милиция за этим делом поймала!
- Да нет же, правда от Пушкина! Сегодня ведь шестое июня, день рождения Пушкина. Вот мы с Иваном и зашли в садик пушкинского дома на Мойке. А там такая сирень цветет!
- Наворовали, значит, сирени у самого Александра Сергеевича? – строго, но с трудом скрывая улыбку, спросила Анастасия.
- Настенька, да он не обидится! Он только рад был бы, что жених в его саду нарвал букет сирени для невесты.
- Не болтай чепухи, невеста полоумная! – по-настоящему строго проговорила Анна, собирая со стола посуду. – Иди переоденься, а то простудишься. Я сейчас завтрак приготовлю. Но сначала выпей вот горячего кофе, чтобы согреться.
- Я и не замерзла вовсе. А чего-нибудь другого у вас нет? Шампанского, например, или хотя бы водки?
- Ремня тебе надо, а не шампанского, – сказала Анастасия. – Переоденься и садись за стол. У нас будет серьезный разговор, надо решить твою судьбу.
- А решать ничего не надо. Я уже сама все решила. Вернее, мы с Иванушкой вместе решили.
- И что же вы там решили с твоим Иванушкой?
- Мою судьбу, я же говорю вам!
- И как же вы ее решили?

– Как самую прекрасную сказку. Жили-были три сестрицы. Старшая умница, средняя красавица, а младшая Аленушка – дурочка. Умерла их мать, старшие сестры растили-растили сестрицу-дурочку, а она все умнее не становится. И тогда стали они думать и гадать, куда бы им дурочку с рук сбить, куда пристроить? А тут к Аленушке посватался физик Иванушка. Тоже дурачок, конечно. Аленушка подумала-подумала... Целых три часа думала! Да и согласилась выйти за него замуж. Они жили долго и умерли в один день. Вот и вся моя сказка.

– Анна! Брось посуду, иди сюда, послушай, что эта мокрая дурочка тут рассказывает! А ты немедленно иди в ванну и все сними с себя. Тоже мне невеста, мокрая и сопливая.

– Настенька, я не невеста. Я жена.

– Как? Что такое? Какая жена? Ты же, как я поняла, только сегодня получила предложение и дала согласие?

– Ну да. А потом я стала женой Ивана. А потом мы пошли купаться в Неве, вот и все. И через неделю мы вместе уезжаем с ним в Чернобыль, на Украину. Он работает на атомной станции. Вот и вся моя судьба, чего же еще?

– Так. А институт?

– Институт – заочно. Или вообще никак. Мне главное, чтобы были у меня сначала три девочки, а потом еще один мальчик. Или нет, сначала мальчик, а потом три девочки. Это, наверно, так прекрасно – иметь старшего брата! Но три девочки – обязательно. Как мы. Одну мы назовем в честь нашей мамы Ниной, а две другие будут Анна и Анастасия. Иван согласен.

– Нет, это что-то уже совсем ни на что не похожее. Анна, Анна! Забирай свою сестрицу и кати в Париж, в Амстердам, в Нотр-Дам, на Мадагаскар! Куда хочешь, только увози ее поскорей от этих чудовищных приключений!

Анна вошла в комнату с халатом в руках, накинула его прямо на мокрые плечи Аленки и повела ее в ванную.

– Иди-иди, чудовище. Так его что, и вправду Иваном зовут?

– Ну да. Могла ли я упустить такой случай? Иванушка с Аленушкой, вы понимаете?

– Лично я – нет. Я ничего не понимаю, – проговорила Анастасия, хватая сигарету и разминая ее дрожащими пальцами.

Анна вернулась в комнату и полезла в шкаф.

– Ты чего ищешь? – спросила Анастасия. – Уж не шампанское ли – по случаю торжества твоего свободного воспитания?

– Нет, шампанского у меня нет. Но где-то было полбутылки сухого.

Из ванной донесся шум падавшей из душа воды, потом пение Аленки, а потом ее крик:

– Настенька! Аннушка! Хоть вы и умные, а я дурочка, я все равно вас очень люблю и всегда буду любить!

Глава первая

Анна, Ирина и Свен узнают новость

– Аннушка! Пора вставать! Вас ждут кофе, томатный сок, омлет с грибами и Свен с новыми переводами.

М-м! Как хорошо начинается новый день! Анна улыбнулась и открыла глаза. Нигде она так легко не просыпалась, как здесь, в Стокгольме. Это, наверное, балтийский воздух так на нее действует – ветер с родной Балтики! Да и когда еще ее так будили, когда подавали ей в постель кофе?

– Спасибо, милая Ирина Борисовна. Доброе утро.

Анна одной рукой взяла чашку с кофе, другой стакан с томатным соком. Кофе бодрил, разогревал, сок освежал. Через две минуты от сна уже вовсе ничего не осталось.

Приняв душ и приведя себя в порядок, она спустилась в кухню по веселой деревянной лестнице с поскрипывающими ступенями.

– Привет, Свен!

– Привет, Анна! Как спала?

– Прекрасно. Правда, во сне кому-то читала какую-то лекцию, но сейчас уже не помню о чем.

– Это ты для того, чтобы не выбиваться из ритма, заданного Ириной?

Анна никак не могла привыкнуть к тому, что Свен, ученик Ирины Борисовны в прошлом, а теперь коллега и соавтор некоторых ее переводов, называет ее без отчества, просто по имени – Ирина. Вот бы кто-то из ставших взрослыми учеников Анастасии звал ее Настей! Демократично, но невозможно. Легкая грусть при воспоминании о сестре на миг охватила ее всю и тут же отпустила. Анна не позволяла себе расслабляться в воспоминаниях. Семь лет, как они расстались, семь лет – и ни одного письма ни от Анастасии, ни от Аленки. Одной писать не позволяет ее партия, другой – работа мужа на атомной станции. Хватит об этом.

К тому же, сейчас она отогрелась душой у милой Ирины Борисовны. Хорошо, что она согласилась на это турне по Швеции! Вот так, неожиданно, вдруг встретила родного душой человека и успела привязаться к нему, полюбить. Чем-то Ирина Борисовна напоминала Анне ее мать: такая же веселая, готовая радоваться чему угодно, как ребенок, – солнечному дню, красивому острому словцу. Среди неторопливых, спокойных шведов она несется по жизни, как метеор, все и вся заражая энергией, включая в свое движение и цель у нее такая прекрасная: по сути в Стокгольме только вокруг нее и существует этот островок внимания к России, к ее литературе, ее искусству. А ведь Ирина Борисовна уже больше двадцати лет назад выехала из Советского Союза со своим мужем-шведом. Господин Карлссон шутит: «В Швеции нет вулканов, ну так я вывез один из России!»

Пока Анна думала об Ирине Борисовне, та всю гремела посудой на кухне, одновременно что-то напевала и разговаривала со Свеном.

Анна оглядела стол, обнюхала, дергая носом:

– А что это тут так вкусно пахнет? Что еще на завтрак, кроме Свена?

– Омлет с грибами и с авокадо.

– Какая экзотика!

– Не большая, чем твой кофе с томатным соком, Анна, – улыбнулся Свен.

– Кофе с томатным соком – это мой личный вклад в западную цивилизацию.

– А не лекции о самиздатской поэзии и не статьи о ней?

– Нет, только кофе с томатным соком. Лекции может читать каждый, а вот кофе с томатным соком – это было озарение, это было, как удар молнии! В ту минуту, когда я поняла, что

можно попробовать совместить два любимых напитка, я узнала, что испытывает гений, открывая что-то новое в искусстве. Я чувствовала себя Моцартом.

– А не Менделеевым? Ведь это уже химия.

– Эйнштейном! Это было преобразование вещества.

– Дети, поторопитесь! – вмешалась в их болтовню Ирина Борисовна. – Через пять минут явится журналистка из женского журнала. Кстати, Анна, у вас далеко фотографии Ирины Ратушинской?

– Вон там пакет, на холодильнике. Я еще с вечера приготовила.

– Отлично. Свен, а ты что нам сегодня принес?

– Я перевел вот это.

Свен протянул ей листок со стихами.

– Нет, я лучше на слух. Аннушка, прочтите вы по-русски, а потом Свен прочтет по-шведски. На слух я лучше улавливаю, у меня ведь абсолютный слух, вы это знаете, дети! А если я буду читать, то обязательно отвлекусь на какие-то свои ассоциации, какие-то свои мысли вмешаются.

– Еще бы! Ирина думает со скоростью ЭВМ и без перерывов. Читай, Анна.

Анна взяла листок, прочла сначала – в который раз! – про себя, а потом вслух:

Над моей половиной мира
Распускают хвосты кометы.
На моей половине века —
Мне в глаза – половина света.
На моей половине – ветер
И чумные пиры без меры.
Но прожектор по лицам светит
И стирает касанье смерти.
И отходит от нас безумье.
И проходят сквозь нас печали,
И стоим посредине судеб,
Опираясь в чуму плечами.
Мы задержим ее собою,
Мы шагнем поперек кошмара.
Дальше нас не пойдет – не бойтесь
На другой половине шара!

Анна умолкла и положила свой листок на стол. Тогда Свен прочел стихи по-шведски. Ирина Борисовна слушала, покачивая в такт головой, будто слушала музыку. Анна пыталась по интонациям уловить, правильно ли Свен угадал, почувствовал стихи? Не повторил ли он ошибки французского переводчика, которому в стихотворении почудилась уверенность бóльшая, чем это слышалось Анне? Он в своем переводе особенно подчеркнул это «мы задержим», «дальше нас не пойдет», «не бойтесь». Анна же хотела, чтобы Запад слышал другое: как хрупкие плечи пытаются задержать чуму, как маленькая женщина с кудрявой головой храбро пытается встать поперек смертоносного ветра. И в этом «Не бойтесь на другой половине шара» ей слышалось горькое: если вы нас не хотите слышать, хотите жить спокойно, то хотя бы помните, что нам-то все равно некуда уйти, потому что страшные звезды уже горят над нашей головой, потому что кошмар охватил нас со всех сторон, – и мы будем вас заслонять, у нас просто нет выбора. «На моей половине ветер и чума». Только вот иную чуму как раз ветром-то и разносит... Ирине Борисовне перевод понравился. Решили, что на лекции в Гетеборге она сегодня прочтет его в числе других переводов Свена.

– Мне это стихотворение понравилось еще тем, – сказал Свен, – что оно посвящено западному человеку: «Моему незнакомому другу Дэвиду Мак-Голдену». Значит, и всем нам тоже. Эти стихи заставляют думать.

– Вот и думайте! Мне кажется, что у Запада с этим как-то не очень... – не удержалась Анна.

Свен немножко обиделся. Его задевало, когда в голосе Анны начинали звучать эти нотки превосходства взрослого человека над детьми. И, конечно, его задевало то, что Анна, ровесница по годам, считает его, Свена, мальчишкой, едва ли не ребенком. А ведь он влюблен в нее. Уже очень-очень давно, три недели, с самого приезда Анны в Стокгольм. И ему хотелось ее опекать, защищать, заслонять от невзгод. А они, эти маленькие русские женщины, такие отважные, страдающие так гордо, не склоняющие головы перед судьбой, – они готовы сами весь мир заслонить собой от чумы! И Свен в своем переводе постарался выразить то, что он видел в Анне: отчаянную решимость хрупкого существа принять на себя весь ужас смерти, чтобы заслонить остальной мир, неразумный, счастливый и глупый. Вот пусть западный мир услышит эту отчаянную решимость, эту горькую любовь к нему маленькой мудрой русской женщины. И, может быть, тогда этому миру захочется, как Свену, почувствовать себя, черт возьми, мужчиной и встать, если не впереди, то хотя бы рядом с теми, кто принимает на себя ветер чумы.

– Что же это журналистка не идет? – прервала молчание Ирина Борисовна. – Этак мы опоздаем на поезд. А нам нужно выехать через сорок минут, чтобы успеть на вокзал к девяти тридцати. В этот поезд с нами сядет журналист из религиозного журнала. По дороге он возьмет у Анны интервью.

– Он что, из Гетеборга, этот журналист?

– Нет, из Стокгольма. Из Гетеборга он первым же поездом вернется обратно. У меня в расписании не оказалось для него другого времени.

– Ловко придумано! – засмеялась Анна. – Интервью за завтраком, интервью в поезде. Где еще сегодня?

– Больше нигде. Две лекции в Гетеборге, потом на поезд и ночью мы вернемся в Стокгольм. Свен будет нас встречать на вокзале и отвезет домой. И покажет новый перевод. Ведь тебе сегодня без нас нечего будет делать, Свен, так ты постарайся перевести еще одно стихотворение Ирины Ратушинской.

Анна улыбнулась: Ирина Борисовна всех умеет заставить работать. За эти три недели он переводил не только Ратушинскую, но и трех прекрасных ленинградских Елен – Игнатову, Шварц и Пудовкину, и стихи поэтесс, живущих теперь в эмиграции, которые прежде ходили в самиздате, – Горбаневскую, Владимирову.

– Что ты сейчас переводишь, Свенчик?

– «Соль-минорную симфонию» Лии Владимировой.

– А, это... «Я вам Моцарта привез, я приеду через час...»

Свен продолжил:

Не пришел он через час,
Не пришел он через день,
Не пришел он через год,
Не пришел он никогда...

Тут прозвенел звонок. Ирина Борисовна пошла открывать дверь и вернулась в кухню с молоденькой журналисткой в сопровождении солидного фотографа, увешанного камерами и еще с чемоданом в руке. Анна поморщилась: зачем снимать ее, когда у нее столько портретов Ирины Ратушинской?

Ирина Борисовна слегка пожурела журналистку за опоздание.

– О, простите! Но по дороге зашла в редакцию за фотографом, а там все обсуждают свежую новость. Вы уже слышали?

– Нет, мы не включали радио. А что за новость?

– В Швеции зарегистрирован повышенный уровень радиации. Есть предположение, что ее несет ветер из Советского Союза.

– О, Господи! – воскликнула Анна. – Столько болтовни о ядерном разоружении, а сами опять что-то потихоньку взорвали...

– В Норвегии и Финляндии тоже зарегистрировано повышение радиации.

– А делали запрос советским властям? – спросил Свен.

– Так они вам и признаются! – фыркнула Ирина Борисовна. – Эти бандиты...

– Нет, Советский Союз отрицает наличие на его территории повышенной радиации. Но метеорологи определили направление ветров за последние семьдесят два часа – ветер идет из СССР. Подозревают какую-то атомную катастрофу.

– Вот вам и «чумной ветер»... – вздохнула Анна. – Это наверняка с севера, там и база атомных лодок и полно ракет. Там погиб мой отец во время испытаний на Новой Земле. Это были тайные испытания.

– Нет, говорят, что ветер шел с юга европейской части.

– С юга? Странно. Что бы это могло быть?

– Не надо гадать, Аннушка. По дороге на вокзал купим газеты и сами все прочтем. А сейчас давайте работать, у нас очень мало времени.

Девушка-журналистка уселась напротив Анны и развернула блокнот. Фотограф уже бродил по кухне, пробуя свет и выбирая точку.

* * *

ЦК КПСС, Совет министров СССР, Всесоюзный центральный совет профсоюзов и ЦК комсомола подвели итоги Всесоюзного коммунистического субботника, посвященного 116-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Он явился ярким свидетельством политической и трудовой активности советских людей, их стремления делом ответить на решения XXVII съезда КПСС, внести свой вклад в ускорение социально-экономического развития страны.

Радио «Москва», 26 апреля 1986 г. 11.00

Новые дома из керамзитобетона построены в селе Маркелово Тамбовской области.

Радио «Москва», 26 апреля 1986 г. 12. 00

Лесозаготовители Карелии сегодня вышли на работу в счет июня месяца.

Радио «Москва», 26 апреля 1986 г. 12.00

На одной из центральных площадей Киева раскинулась сельскохозяйственная ярмарка. Передаем репортаж нашего корреспондента...

Радио «Москва», 26 апреля 1986 г. 22.00

ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет министров СССР сердечно поздравили руководителей Демократической Республики Афганистан, весь дружественный афганский народ с национальным праздником, восьмой годовщиной Апрельской революции.

Радио «Маяк», Москва, 26 апреля 1986 г. 14.00

Сегодня советские моряки с ракетного крейсера «Вице-адмирал Дрозд», находящегося с деловым визитом в порту Триполи, почтили память ливийских граждан, погибших во время варварской американской бомбардировки 15 апреля. На могилу жертв налета были возложены венки.

Радио «Маяк», Москва, 26 апреля 1986 г. 22.00

Когда мы говорим «Ничто не забыто», то нами руководит не чувство мести, а чувство справедливости и заботы о будущем народов, заботы о том, чтобы никогда не повторилось столь ужасное злодеяние. Именно это вынуждает нас вновь и вновь возвращаться к разоблачениям гитлеровских преступлений, напоминать о закономерном финале фашистского режима.

«К сорокалетию Нюрнбергского процесса». «Красная звезда», 26 апреля 1986 г.

XI съезд Социалистической единой партии Германии проходил в дни, когда СЕПГ отмечает свое сорокалетие. Велики ее заслуги в формировании современной ГДР. В центре Европы, на родине Карла Маркса и Фридриха Энгельса, успешно воплощается в практику теория научного социализма.

«Правда», 26 апреля 1986 г.

Глава вторая

Анна едет в поезде и думает о Свене, о сестрах и о многих других вещах

Наконец-то притомившаяся Ирина Борисовна дремала, положив ноги на сиденье напротив. В купе никого, кроме них, не было, и Анна отдыхала, задумчиво глядя в окно.

Белая ночь, как у нас... Чем дальше к северу и к востоку забирались они в своих лекционных поездках, тем ближе становился дом, тем больше чувствовалось его существование где-то совсем рядом. После тесноты Центральной Европы так отратно было глазам видеть эти безлюдные лесные и гористые пространства. Редко-редко промелькнет озеро с поселком на берегу или одинокий дом среди деревьев. И дома совсем как у нас в Карелии, крашенные охрой, с белыми наличниками, на гранитных фундаментах. Промелькнуло болотце, поросшее цветущей морошкой. Нигде в Европе она не встречала ни морошки, ни морошкового, любимого, варенья. Брусники в Германии полно, ее подают к оленине и всякой лесной дичи. Клюкву можно купить в специальных магазинах, а вот морошка... Должен же быть и у них дефицит хоть чего-нибудь! Хорошо бы приехать в Швецию, когда морошка поспеет, поехать в деревню к родителям Свена, жить там в лесу и собирать ягоды. И отдохнуть немного. Вот уже семь лет, а ни одного отпуска. Кто бы мог подумать, что в эмиграции придется столько работать! Анастасия пугала ее безработицей. Есть безработица, что тут спорить. Но не для Анны, увы. Как отпуск, так либо какая-то лекционная поездка, либо заранее накопленная работа – статья, рецензия, очерк. За семь лет Анна объездила всю Европу, побывала в Америке и в Австралии, но ни разу не посетила даже самого маленького городка в Германии по своей воле: все по приглашениям, все по заранее намеченному плану. А что? Вот закончится официальная часть поездки, у нее останется еще три дня на обратную дорогу, но можно будет и в самом деле отправиться со Свеном на природу, а назад лететь самолетом, чтобы успеть на летние курсы русского языка. Там они будут работать вместе с Ириной Борисовной, так что в случае чего та может даже заменить Анну на день-другой, присоединить ее группу к своей. Надо будет так и сделать. Если только....

Что же там все-таки произошло, дома? Если бы промелькнуло что-то определенное в газетах или в телевизионных новостях, они бы не пропустили: Ирина Борисовна по пути покупала все газеты, а перед отъездом из Гетеборга они успели прослушать последние известия – ничего определенного. Радиация идет из Советского Союза, а Советский Союз на все вопросы отвечает, что ничего у них не происходит. Да, может пройти немало лет, пока правда выйдет наружу. О взрыве на Новой Земле тоже молчали, пока было возможно молчать. Потом признались Западу, а свои собственные граждане и по сей день не ведают, какой ужас там был, сколько людей заражены и болеют, умирают по сей день. И если бы не погиб тогда на Новой Земле их отец, так и Анна бы никогда ничего не узнала. Ну что ж, зато теперь все увидят, чего стоят разглагольствования Горбачева о гласности. Прямо диссидент какой-то, гласности возжаждал! О, Господи! Да захоти он и вправду этой самой гласности, на другой же день оказался бы там, куда за гласность сажают.

Из Гетеборга Ирина Борисовна звонила Свену, напомнила, когда их встречать. Милый, наивный Свен, оказывается, проведив их утром на вокзал, отправился в пресс-центр и там просматривал все советские газеты за последние три дня, надеясь найти какое-то сообщение об источнике радиации. Бедняжка, поди, до сих пор руки отмывает: после того как повоозишься с советскими газетами час, руки надо два часа отмывать. Еще смеют говорить о «грязной буржуазной прессе». Анна вспомнила, как однажды, отправляясь в Париж из Франкфурта, купила на вокзале «Литературную газету». В купе она бросила ее в сетку над головой, а потом долго не могла понять, почему это соседи морщат носы, поглядывая на нее, пока сама не взяла в руки

свою газету – от нее буквально воняло удушливой типографской краской. Пришлось газету просмотреть в коридоре и выкинуть: не разводить же вонь в купе до самого Парижа!

И все же, как только приедем в Стокгольм, надо будет настроить приемник на Москву – а вдруг сработает «горбачевская гласность»?.. Иногда все же мелькает мысль – а что, если? Ведь должны же, в конце концов, и наверху понять, что нельзя вечно обманывать всех – начнешь обманываться и сам. Иногда думается, что все они там, в политбюро, хоть и не верят собственной пропаганде, но и сами о реальности не имеют никакого представления. Просто крутят свое колесо, как белки, боясь из него выскочить, боясь остановки колеса. Ах, да ну их! Только бы узнать, что же там произошло? Если бы жила сейчас дома, то навряд ли тревожилась бы так. Это сейчас, отсюда кажется, что так тяжела там жизнь. А ведь жила сама этой жизнью, много успела тяжелого и повидать, и пережить. И все же маленькие радости жизни, каждодневные заботы как-то отодвигали гнетущее сознание того, что живешь в больном обществе, в почти умирающей стране. Отсюда, издали, все видится крупнее, значительнее, гораздо точнее и намного больнее. Живя дома, она никогда себя не жалела, не умела жалеть. Школа сестры Анастасии. Но отсюда даже собственная жизнь, кажется, слышится сердцем, как некая трагическая симфония, в которой, если и были светлые ноты, то лишь для того, чтобы оттенить общее звучание трагической безнадежности. Вера в Бога, вера в друзей, да вера в самих себя – вот чем они держались дома. Как мало было света, как мало было радости, а ведь молодость уже прошла, та музыка уже отзвучала. Так уж сложилась судьба, что надо теперь жить вторую жизнь. А как ее жить? Семь лет прошло будто в дымке; ничто уже не задевает глубин души, не так пахнут цветы и не те имена у деревьев. Душе легко – она вышла невредимой из-под пресса всех своих сознательных советских лет и расправилась на свободе. Анна не может объяснить ни Свену, ни другим своим западным друзьям, что такое свобода: разве объяснишь тому, кто прожил всю жизнь на берегу широкой полноводной реки, что такое вода в пустыне? Он будет слушать, кивать, сочувствовать, но что он поймет? Именно свобода, она одна теперь ее горячее. Вовсе не воля и не чувство долга делают ее неутомимой в работе. Те же самые дела на родине отнимали столько сил, нравственных и физических, что сейчас она легко переходит от одного дела к другому, сменяет одну работу другой, и если от чего единственно устает, так это от обилия впечатлений и знакомств. И еще – от многословия, чужого и собственного. Дома как-то само собой подразумевалось, что подолгу и всерьез нужно разговаривать только со своими ближайшими друзьями или с друзьями друзей. Лишь проверенным и надежным людям возможно и нужно было говорить о сокровенном. А здесь тебя приводят в гости и хозяйка через полчаса после начала ужина с улыбкой спрашивает тебя: «Скажите, а вы не тоскуете по родине? По своим сестрам?» А если да, если тоскую, то что же ты – купишь завтра туристскую путевку в Ленинград или в Чернобыль и привезешь мне оттуда приветы от моих сестер?

Анна вздохнула и попыталась отвлечься от этих невеселых мыслей. В сущности, это ведь не совсем справедливо. Это ей тяжело бывает с людьми, это ее часто ранит неосторожное слово о покинутом доме, но ведь их нельзя винить – они ведь и этого тоже понять до конца не могут, что она никогда, никогда не увидит ни сестер, ни своего дома, ни своего города. Так же легко можно спросить немца в Австралии, не тоскует ли он по Германии. И он тоже погрустнеет и начнет рассказывать что-то очень трогательное. Но какая разница! Пусть в прошлом году он не скопил достаточно денег, а в этом жена захотела провести отпуск на Гавайях, но он знает, что в следующем году может купить себе билет на чартерный рейс и отправиться в свой любимый Гамбург или Мюнхен, к родному морю или к любимым с детства горам. И разве это не прекрасно, что вокруг нее люди живут такой нормальной жизнью, что даже не в состоянии понять ее, Аннинных, печалей? Пусть хоть они остаются счастливыми. Ведь она и для них тоже работает, о них заботится, когда пытается передать им трагический смысл той жизни.

Как ни старалась Анна, одни печальные мысли сменялись другими, не более веселыми. Какое-то смутное чувство заставляло ее вновь и вновь возвращаться к сравнению прошлой

жизни с настоящей, будто готовилась ей какая-то новая неожиданная перемена, будто вот-вот снова придется что-то сложное и трудное решать, выбирать, обдумывать. А что с ней теперь может случиться? Заболеет, ну даже и умрет? Эти вещи ее давно не тревожат: боль она научилась переносить, а смерть не страшна – это ведь только переход от одной жизни к другой, от привычного к неизведанному. А она уже однажды подобное пережила, перелетев советскую границу. Впрочем, отчасти и раньше, когда не сломилась на допросах и тем самым тоже сделала свой выбор – лагерь. Там, в лагере, был тоже другой мир. Итак, три разных мира она прошла, бояться ли ей какого-нибудь четвертого измерения?

Жаль, что она так и не научилась спать в поезде. Вот и сейчас свернуться бы клубочком и задремать под какие-нибудь смутные и теплые мысли. Ну, хотя бы о Свенчике. Вон как сладко посапывает Ирина Борисовна, счастливица! Когда-то и Анна любила спать под стук колес, под раскачивание вагона. Это здесь поезда скользят по рельсам, как яхта по воде, а там переваливаются с боку на бок, громыхают, подпрыгивают на стыках. Кто-то из специалистов говорил ей, что в Советском Союзе железнодорожные пути давно износились и никакие ремонты уже помочь им не могут – надо строить заново. Зато спалось под этот стук-постук замечательно. Давно, в детстве, в юности. А потом были два месяца в «Столыпине», вагоне для перевозки заключенных, вагоне-тюрьме, где день и ночь охранники ходили по коридорам вдоль решеток камер-купе. Запах мазута, пыли, пота, мочи, омерзительный селедочный запах и нескончаемые стоны-просьбы: «Воды!» Спать в «Столыпине» было и мучительно и опасно: дикий северный и сибирский конвой обычно пил всю дорогу, а напившись, – приставал к женщинам. Вот с этой поры Анна и разучилась спать в поезде, и самая комфортабельная поездка превращается для нее в утомительную и бессонную, в любом вагоне ей мерещится запах «Столыпина».

Но вот, слава Богу, скоро и Стокгольм. Вот уже и знакомые фиорды пошли за окном. Теперь надо приободриться, умыться лицо, а то на кого она будет похожа, когда Свен их встретит? – Ирина Борисовна, голубушка! Пора вставать, скоро уже Стокгольм.

* * *

Иной раз, когда речь идет о гласности, приходится слышать, что надо поосторожнее говорить о наших недостатках и упущениях. Ответ на это может быть только один – ленинский: «коммунистам всегда и при всех обстоятельствах нужна правда».

«Правда», 26 апреля 1986 г.

Деловым людям, туристам!

Аэрофлот возобновляет регулярные полеты на воздушных магистралях Москва – Нью-Йорк – Москва с 4 мая и Москва – Вашингтон – Москва с 29 апреля. Москва ждет вас!

Аэрофлот «Московские новости», 26 апреля 1986 г.

Читатель газеты Кутаев обращает внимание на недостойное поведение ряда иностранцев, работающих в Советском Союзе, и ставит вопрос о необходимости более строгого спроса за нарушение советских законов зарубежными гражданами. Писем аналогичного содержания поступило в редакцию немало.

«Советская Россия», 26 апреля 1986 г.

Многие ташкентцы, конечно же, помнят то апрельское утро 20 лет тому назад, 26 апреля 1966 г., когда на наш город обрушилась стихия. В считанные секунды землетрясение разрушило большинство школ, сельских учреждений, больниц и другие здания. Почти 100 000 семей остались без крова. Вся страна отозвалась на боль жителей нашего города, протянув нам руку помощи, – и в короткий срок последствия взрыва подземной стихии были полностью

ликвидированы. За 20 прошедших лет практически полностью построена центральная часть города, которая больше всего пострадала от землетрясения. И все же нам предстоит сделать еще очень многое. Следует откровенно сказать, что сегодня двухмиллионный Ташкент значительно отстает по уровню обеспеченности жильем, канализацией, телефонной связью и другими объектами городского хозяйства. Дел у нас много, и самое главное среди них – ускорение темпов городского строительства и улучшение качества квартир.

Первый заместитель председателя Ташкентского горисполкома Эрнест Резаев Радио «Москва», 26 апреля 1986 г. 17.00

Мощный взрыв произошел сегодня в центральной части испанской столицы – в Мадриде.
Радио «Маяк», 26 апреля 1986 г. 02.00

90 тонн нефти вылилось сегодня в океан у южного побережья Бразилии.
Радио «Маяк», 26 апреля 1986 г. 12.30

В Аргентине произошло сильное наводнение, вызванное проливными дождями.
Радио «Маяк», 26 апреля 1986 г. 10.00

Глава третья

Свен встречается Анну, рассказывает ей новости и немного в ней разочаровывается

Свен встретил их у выхода с платформы.

– Привет! Как удалась поездка?

– Замечательно! – блестя проснувшимися глазами, воскликнула Ирина Борисовна. – Большой успех везде и во всем! Вот только Анну совсем замучили вопросами. Она, бедняжка, с ног валится.

– Да нет, Ирина Борисовна, я отлично отдохнула в поезде. Есть какие-нибудь новости, Свен?

– О да, потрясающие! Сейчас сядем в машину и я начну рассказывать.

В машине Анна села рядом со Свенем, извинившись перед Ириной Борисовной. Та ничуть не рассердилась, признавая за Анной право первой выслушивать новости от Свена.

– Новость первая. Знаете ли вы такого эмигрантского журналиста Олега Туманова?

– Конечно, знаю. Я же часто бываю в Мюнхене, у меня там друзья. Туманова я видела несколько раз в разных компаниях. И знаю, что месяца полтора-два назад он пропал. Так что стало известно о нем?

– А то, что он сегодня давал интервью в пресс-центре Министерства иностранных дел СССР.

– Ого! Вот это новость! И что же он, раскаивался в своей работе на радио «Свобода», в измене родине?

– Ничего подобного. Он разоблачал радиостанцию, на которой проработал двадцать лет.

– Говорил, что это отдел ЦРУ, конечно?

– Да, в основном это.

– А не рассказывал он, каким образом вдруг оказался в Москве?

– Об этом говорили те, кто его представлял. Он будто бы обратился в советское посольство в одной из западных стран.

– Почему «в одной из»? Разве не в Германии, коли он жил в Мюнхене?

– Все наши журналисты тоже удивились этой таинственности. Но сказано было «в одной из западных стран».

– Все понятно, – заявила Ирина Борисовна. – Он обратился в советское посольство в Лондоне.

– Почему именно в Лондоне, Ирина Борисовна?

– А куда же еще? Если он заранее решил возвращаться, то лучшего адреса он выбрать не мог.

Именно через Лондон вернулись в Советский Союз и Светлана Аллилуева, и Олег Битов, и эти бедные мальчики, наши пленные из Афганистана. Похоже, что именно советскому посольству в Англии поручено возвращать домой заблудших советских овечек.

– В самом деле, странное совпадение. Я как-то не обращала на это внимания. Но если он так давно исчез с Запада, то почему же в Советском Союзе объявился только сейчас? О Битове, помнится, сообщили сразу же.

– Видимо, допрашивали, готовили к этой пресс-конференции. А может, ждали удобного момента, чтобы его выпустить. Впрочем, говорят, он был очень плохо подготовлен. Путался в ответах, приходилось за него отвечать другим советским участникам, Арбатову.

– Арбатов там был? О, значит, они придают этой конференции особое значение. Интересно, почему? И почему они выбрали именно этот момент для его выступления?

– Я не берусь утверждать, но, возможно тут есть связь со второй сегодняшней новостью. Конференция была два часа тому назад, а два с половиной часа назад ТАСС передал сообщение, что в СССР действительно произошла авария на одной из атомных станций.

– Ага! На этот раз они попались! – закричала Ирина Борисовна, стукнув кулаком по спинке переднего сиденья.

Свен слегка качнулся вперед.

– Ирина! Или я не буду дальше рассказывать, или вы обещаете, что не будете пугать водителя за рулем, а то и мы влетим в аварию.

– Молчу и недвижима!

– Ну, Свенчик, дальше! Где расположена эта станция, они сказали?

– Да. Сто с лишним километров от Киева. Город имеет такое трудное название. Тшernoпыль, как будто...

– Чернобыль?!

– Да, именно так это звучало.

– Свен! Нет!

Анна рванула Свена за руку, заглядывая ему в лицо.

– Свен! Ты ошибся, Свен? Ослышался, да? Скажи же!

Свен бросил машину к тротуару и затормозил.

– Анна, что такое? Что, Анна?

Анна обхватила себя обеими руками за плечи и раскачивалась с закрытыми глазами. Ирина Борисовна обняла ее сзади.

– Аннушка, что случилось? У вас кто-то близкий в тех местах, да?

Анна, не открывая глаз, ответила сдавленным голосом:

– Сестра Аленушка... Наша младшая...

– Да вы погодите расстраиваться, Аннушка. Ведь авария – это еще не катастрофа. Свен, что они еще сказали?

– Что погибли два человека, пострадавшим оказывается помощь, жители эвакуированы.

Анна медленно повернула голову.

– Эвакуированы?..

– Да, конечно! Я это сам читал на телетайпе. Успокойся, Анна, дорогая. Завтра наверняка в газетах будут все подробности.

– А до завтра – терпеть? Нет, я вот что сделаю – я позвоню Анастасии. Это моя старшая сестра. Перед отъездом она взяла с меня слово, что я не буду ей ни писать, ни звонить. Но сейчас я имею право ей позвонить. Свен! Ты можешь ехать? Что ты встал?

Свен тотчас стронул машину с места. Ирина Борисовна гладила Анну по плечу.

– Да, Аннушка, вы правильно решили. Мы сейчас закажем разговор с Ленинградом, все узнаем и вы успокоитесь. Наверняка с сестрой все в порядке.

– Ах, знать бы еще точно, где сейчас Анастасия? В школе у нее каникулы, и она обычно это время проводит в Ленинграде, в нашей старой квартире. Но у нее может быть ремонт в школе или еще что-нибудь. Или в отпуск поехала. А вдруг она поехала к Аленке?

– Анна, успокойся, возьми себя в руки. Я не узнаю тебя. Через час ты уже будешь все точно знать про свою сестру, зачем же заранее так себя волновать?

– Ты ничего не понимаешь, Свен. Еще могут не дать разговора.

– Как это «не дать разговора»? Ты наберешь код Ленинграда, номер телефона сестры и будешь с ней говорить.

– С Советским Союзом нет автоматической связи, Свен.

Анна проговорила это холодным, назидательным тоном.

– Как нет? Атомные станции есть, а автоматической телефонной связи нет? Не понимаю.

– А тут и понимать нечего. Если будет автоматическая связь, то как они будут успевать контролировать своих граждан и решать, кому сейчас можно разговаривать с заграницей, а кому – «нецелесообразно»? И вообще, Свен, ты сейчас не мучай Анну вопросами. Ты просто делай, что она скажет, вот и все.

– Да, да, пожалуйста.

И Свен замолчал, не столько в обиде, сколько в недоумении: ну, конечно, где-то случилась эта авария, возможно, что это имеет какое-то отношение к живущей в тех местах сестре Анны. Но зачем такая экспансивность? Все-таки эти русские странные. Даже она, Анна...

Войдя в квартиру, Анна сразу же бросилась к телефону.

– Вы знаете код вызова, Анна?

– Я же уже звонила от вас своим друзьям, я его помню.

Она заказала разговор с Анастасией и стала ждать. Ирина Борисовна пошла на кухню и тихонько позвякивала там посудой, готовя чай. Свен сидел неподалеку в кресле и думал, удобно ли ему уйти, не дожидаясь разговора Анны с Ленинградом. Он, собственно, не понимал, зачем ему тут сидеть и чем он может быть полезен Анне сейчас, когда она явно потеряла контроль над собой и преувеличивает серьезность происходящего?

Из кухни вышла Ирина Борисовна с газетой в руках.

– Между прочим, тут напечатаны рекомендации в связи с повышением радиации в Швеции. Целый список правил. Ну, наши шведы послушные, они все выполняют в точности. Завтра ни один не станет пить молока. Меньше гулять, не есть шпината, салата...

Анна подняла голову:

– Если здесь такое, то что же там?

Свен пожал плечами.

– Правильные, но наверняка завышенные предосторожности. Ну, и в Советском Союзе, конечно, жителям сообщили все меры предохранения от радиации. Это же элементарно.

Анна ничего не ответила, а Ирина Борисовна усмехнулась.

– Ах, Свен, милый мальчик! В Советском Союзе может быть так, а может – и наоборот.

Свен слегка вздохнул. Как они политичны обе... Нельзя всему на свете придавать непременно политическую окраску. Трудно представить себе столь идиотичное правительство, которое скрывало бы от собственных граждан грозящую им опасность. Да, в экстремальной ситуации, если эту ситуацию можно назвать именно так, и Ирина, и Анна повели себя не так, как он ожидал. Он с грустью чувствовал, что Анна теряет в его глазах не только свой героический ореол, но и очарование своей женственности. Увы, ее поведение очень и очень близко к истерике. Жаль...

Свен никогда не боялся смотреть в глаза реальности. Почувствовав происходящее в нем, он решил остаться и подождать разговора Анны с сестрой. Чтобы отвлечься, он достал листок с переведенными сегодня стихами и стал их перечитывать шепотом, еще раз проверяя работу на слух.

– Что это? – почти машинально спросила Анна. – Новый перевод? Прочти оригинал.

Свен поднял на нее глаза, вздохнул и стал читать стихотворение Лии Владимировой.

То не скорбящая страна
Просыпается на час,
То последняя вина
Надвигается на нас.
И цветет чертополох
По раздольям вековым,
И не верит светлый Бог
Темным свечкам восковым.

И кадит, кадит, кадит
Над пожарищами дым...
Слышишь, колокол гудит
Не по мертвым, по живым.

– Между прочим, это тоже стихи к Западу, Свен.

Анна сказала это без всякого выражения, как она говорила весь последний час. Но Свену показалось, что и в своем напряжении она заметила тот процесс разочарования, который происходил в нем «Заметила, но не отметила», – с грустью подумал он. Что ж, может быть, так теперь даже лучше. Между ними не было сказано никаких слов, без слов они и расстанутся.

Зазвенел телефонный звонок. Анна схватила трубку.

– Ленинград заказывали? Ждите.

– Жду.

В комнату на цыпочках вошла Ирина Борисовна. «Дают?» – спросила она глазами. Анна в ответ пожала плечами и закусил губу. Секунды длились невыносимо и вдруг...

– Алло, я слушаю.

– Настенька, это ты?

– Алло, алло! Да, я слушаю, кто это?

– Настенька, это я, Анна.

– Анна?! Долго же ты собиралась дать о себе знать. Мы уже решили, что ты нас с Аленкой вычеркнула из жизни и из памяти.

– Настенька, но ты же сама велела мне никогда...

– Мало ли что я велела, а ты могла бы и позвонить и написать.

– Ох, Настенька! Если бы ты знала... Настенька, запиши на всякий случай этот телефон! –

Она продиктовала номер.

– Настенька, а как там Аленка?

– Аленка? Прекрасно. У нее двое парней, близнецы, Антошка с Алешкой. Я собираюсь к ним на месяц, дам Аленке отдохнуть от них.

– Сколько им, Настенька?

– Уже по четыре года.

– Боже мой! А где они сейчас, где Аленка, где ее муж? Что с ними?

– Что с ними может быть? У них все в порядке. А ты как там?

– Про меня потом. Настенька, но ведь там беда, авария.

– Какая еще авария? Что ты такое говоришь?

– Настя, на Чернобыльской атомной произошла крупная авария, два человека погибли. Радиация дошла до Швеции... Настя! Настенька! Алло! Алло! Прервали...

Анна опустила руку с трубкой. Свен и Ирина Борисовна явственно услышали короткие гудки.

– Я попробую еще раз. Можно, Ирина Борисовна?

– Конечно! Обязательно! А вдруг это случайность?

Анна покачала головой.

– Навряд ли. Прервали же, как только я заговорила о Чернобыле. Видишь, Свен, там никто ничего не знает. Может быть, какое-то сообщение и было, но его могли дать так, что никто и внимания не обратил.

Анна еще раз заказала разговор с Ленинградом. Заказ у нее приняли, но через полчаса телефонистка объявила, что «абонент не отвечает». Тогда Анна заказала по очереди номера всех своих знакомых в Ленинграде, в Москве и в Киеве. Ирина Борисовна тоже заказала разговор со своими друзьями в разных городах. Так обе до утра и сидели у телефона, срываясь на каждый звонок. Но всякий раз они слышали одно и то же: «Абонент не отвечает».

– Девушка, я заказываю уже десятый номер телефона. Может ли быть такое, чтобы сегодня никто не ночевал дома?

– Абонент не отвечает.

Напряженно, не проронив ни слова, Свен всю ночь просидел на диване.

* * *

Передача новостей московского радио 28 апреля 1986 г. 22.00.

Знакомством с одним из ведущих химических предприятий нашей страны, производственным объединением «Азот» имени Ленина, начал пребывание в Тульской области член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ Зайков. Он побывал на многих участках производства, где встретился с рабочими и специалистами объединения. Товарищ Зайков выступил перед ними с речью. (Запись речи товарища Зайкова.)

Буровики Главтюменьнефтегаза досрочно завершили выполнение плана за апрель месяц. (Рассказ об успехах буровиков.)

К севу зерновых культур и посадке картофеля приступили калужские земледельцы... (Рассказ о посевной зерновых культур и картофеля в Калужской области.)

От Совета министров СССР. На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария. Поврежден один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия.

В соответствии с планом связи между КПСС и Компартией народов Испании с 19 по 27 апреля в СССР находилась делегация Компартии Испании для изучения опыта организационно-партийной работы КПСС.

Госсекретарь США Шульц заявил, что США не намерены отказаться от своей террористической деятельности, направленной против Ливии...

Израильские захватчики отторгли еще часть ливанской территории...

В Люксембурге открылась сессия Совета министров Европейского экономического сообщества, которое, как известно, переживает сейчас очередной финансовый кризис...

Глава четвертая

Анастасия ищет информацию в газетах

Анастасию взволновал разговор с Анной по телефону, такой неожиданный да еще среди ночи. До утра она не могла больше уснуть, но заставила себя подняться в привычное время, в шесть часов, принять душ, сделать зарядку. Потом выпила чашку крепчайшего кофе, чтобы взбодриться. Если уж она вырвалась в Ленинград, то время терять не стоило: библиотека работает только сегодня – значит, обязательно посидеть в библиотеке. Потом надо успеть сделать закупки: кое-что для школы, кое-какие продукты, колбаски и сырку к первомайскому празднику, если повезет и не будет большой очереди – торт к столу. Где-то по дороге успеть поесть и – в театр. А вечером – на поезд и домой. Завтра в школе с утра линейка, а вечером она пойдет в гости к подруге, тоже учительнице. Та, конечно, напечет пирогов, но хорошо бы привезти из Ленинграда и торт, давно ведь не лакомялась. Она для того и сохранила за собой ленинградскую комнату в коммунальной квартире, чтобы иметь возможность несколько раз в году приезжать в город, набираться знаний и культуры. Комната ее стала пристанищем и для других учителей школы и даже для командировочных из района: гостиницы в Ленинграде вечно переполнены, и потому она давала ключи от квартиры своим знакомым в поселке, в районе и даже знакомым своих знакомых. Ну, а те зачастую выполняли ее поручения, ведь для школы много чего надо, а в селе не все найдешь. Приходилось, конечно, платить не только за жилплощадь, но и за телефон, которым пользовалась она и ее гости месяца два в году, и за газ, и за свет в местах общего пользования, и еще приплачивать соседям за уборку. Была еще одна мысль, которая удерживала ее от того, чтобы сдать ленинградскую комнату: а вдруг Алена с мужем надумают переехать в Ленинград? А не они сами, так их сыновья. Вырастут племянники и захотят учиться в большом городе, все ведь может стать. А сегодня ее радовало и то, что вот и Анне было куда позвонить – в отчий дом, все по тому же, с детства знакомому номеру. А если бы сдала Анастасия комнату, то и век не нашла бы ее сестра-эмигрантка...

Уже сидя за столом в прохладном зале «публички» и просматривая номера журнала «Семья и школа» за последние полгода, Анастасия вспомнила окончание разговора с Анной. Что она такое начала говорить про Чернобыль, перед тем как прервалась связь? Анастасия так была взволнована самим фактом появления Анны после стольких лет разлуки, что и не обратила внимания на ее последние слова. Какая-то авария на Чернобыльской атомной? Ну, что ж, могла случиться и авария. А эти западные злопыхатели, конечно, раздули ее, как они раздувают все наши неполадки. И все же надо заглянуть в газеты и убедиться. Анастасия сдала свои журналы и отправилась в газетный зал. В сегодняшнем номере «Правды» на первой странице были лишь предпервомайские сообщения, но на второй странице в нижнем углу она увидела заголовок «От Совета министров СССР» и прочла под ним следующее:

Как уже сообщалось в печати, на Чернобыльской атомной электростанции, расположенной в 130 км севернее Киева, произошла авария. На месте работает правительственная комиссия под руководством заместителя Председателя Совета министров СССР т. Щербины Б.Е. В ее состав вошли руководители министерств и ведомств, видные ученые и специалисты. По предварительным данным, авария произошла в одном из помещений 4-го энергоблока и привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ.

Три остальных энергоблока остановлены, исправны и находятся в эксплуатационном резерве. При аварии погибли два человека. Приняты первоочередные меры по ликвидации последствий аварии. В настоящее время радиационная обстановка на электростанции и

прилегающей местности стабилизирована, пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь. Жители поселка АЭС и трех близлежащих населенных пунктов эвакуированы. За состоянием радиационной обстановки на Чернобыльской АЭС и окружающей местности ведется непрерывное наблюдение.

Анастасия прочла и ахнула: так вот о чем хотела и не успела сказать ей Анна! Вот почему она так взволнованно спрашивала об Аленке!

«Как уже сообщалось в печати» там сказано, значит, надо посмотреть предыдущие газеты. И почему не указано число, когда произошла эта авария? Впрочем, тут вообще мало что сказано, надо поискать предыдущие сообщения, там должна быть более полная информация.

Она полистала газеты, но никаких других сообщений не нашла.

– Девушка! – обратилась она к библиотечарше. – Помогите мне, пожалуйста, разыскать другие сообщения вот на эту тему – об аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Девушка покачала головой:

– К сожалению, не могу вам помочь: других сообщений на эту тему нет.

– Как это нет? Тут же ясно сказано: «Как уже сообщалось в печати»...

– Мне очень жаль, но в центральной печати действительно ничего нет. Мы с утра специально просматривали все газеты, ведь вы к нам не первая обратились.

– Как же это так?.. Ведь тут ясно сказано, и ведь не какая-нибудь заметочка, а сообщение от Совета министров.

– Вы знаете, мы даже украинские газеты просматривали, и там тоже ничего не нашли. Ошибка какая-то, наверное...

– Девушка! В Совете министров не те люди составляют информацию, чтобы допускать такие ошибки. Раз они пишут «сообщалось в печати», следовательно, надо искать в печати, причем в центральной! Не на районные же газеты ссылается Совет министров!

К их разговору прислушивался невысокий молодой человек, ждавший очереди за какой-то справкой. Он тронул Анастасию за плечо.

– А у вас что, родственники там, в Чернобыле? Почему вы так волнуетесь?

– А какое вам, собственно, до этого дело, молодой человек? Впрочем, да, родственники. Сестра с мужем и детьми.

Молодой человек сокрушенно pokrutil головой.

– Сочувствую вам и вашим родственникам.

– А что такое случилось? И почему вы знаете, что нам надо сочувствовать?

– Да так, слышал кое-что...

– Слухи меня не интересуют. Вопрос слишком серьезный, и я хочу иметь достоверную информацию.

– Я говорю не о слухах. С вами можно говорить откровенно?

– Да, конечно. Я же говорю, что у меня там сестра.

– Тогда выйдем в коридор.

В коридоре они остановились у окна.

– Ну, я вас слушаю, – нетерпеливо проговорила Анастасия.

– Видите ли, я случайно слышал на днях «Голос Америки». Они передавали, что в ночь на 26 апреля в Чернобыле произошла крупная катастрофа на атомной станции. Радиация распространилась до Скандинавского полуострова. Есть данные о большом числе жертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.